РУССКОЕ ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО

РЕДАКЦИЯ В. А. НИКОЛЬСКОГО

В. А. НИКОЛЬСКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОРУЖИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1925

И Р

РУССКОЕ ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. А. НИКОЛЬСКОГО

Выпуск 10

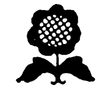
В. А. НИКОЛЬСКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОРУЖИЕ

Государственное Издательство

В. А. НИКОЛЬСКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОРУЖИЕ

Москва—MCMXXV

Государственная Нотопечатня
Музсектора Госиздата, Колпачный пер., 13. Тел. 11-85
Гиз № 5.735—л-х. № 47.
Главлит № 30.283. Тираж 2000.

Восток—родина многих искусств—был родиной и для искусства оружия, являвшегося некогда очень крупной отраслью декоративного искусства во всех странах мира. Не случайно и в России XVII столетия именно Оружейный приказ был правительственным центром искусства страны, привлекавшим лучшие художественные силы и выпускавшим наиболее совершенные образцы во всех почти отраслях декоративного художества.

Непрерывный обмен с Востоком, как правило наблюдаемый во всем древне-русском декоративном искусстве, особенно очевиден именно в предметах русского оружия и вооружения. Сабельная полоса с арабскими надписями, чисто восточная отделка ножен сабли или палаша бирюзой и самоцветами, пищаль или топор турецкого образца, заостренный вверху восточный шлем или низенькая в виде черепа восточная же „мисюрка"— обычные продукты творчества русских оружейников. Русские воины, как и восточные, не знали тех тяжких лат, в которые заковывали себя западные воители. Верные ученики Востока, русские оружейники стремились к тому, чтобы оружие не стесняло воина в движениях и не обременяло его, чтобы человек не обращался в какую-то бронированную машину истребления, какими были западные рыцари. Русское оружейное

искусство сохраняло и восточную малоподвижность форм оружия, в противоположность Западу — редко изобретая новые типы, но непрерывно совершенствуя и украшая избранные, твердо установившиеся. Среди русского оружия нельзя встретить того почти бесконечного разнообразия форм и образцов одного вида, каким характеризуется оружие западное.

Говоря вообще, русские оружейники должны уступить первое место западным мастерам в области художественной обработки оружия, в области замысла и техники, но нимало не уступят им в смысле уменья использовать в применении к оружию самые разнородные техники и способы декоративного искусства, в смысле уменья достигать эффектов чисто живописного порядка, подчас совершенно неожиданных, но зато очень „русских" по происхождению, роднящих оружие и с русским костюмом и со всей обстановкой русской жизни.

Предметы оружия разделяются обыкновенно по их предназначению на две основных группы: оружие оборонительное и наступательное.

Оборонительное оружие, или вооружение охватывает собой всякие виды пассивной защиты воина: броню, латы, шлемы, наручи, поножи, щиты.

Наступательное оружие распадается на три главных отдела: белое оружие (мечи, сабли, кинжалы и т. п. колющие и режущие оружия), оружие на древках (топоры, пики, ударные рукопашные оружия) и, наконец, метательное оружие (луки, самострелы, ручное огнестрельное оружие различных типов).

Из специальных видов художественной техники, применявшейся исключительно для выделки оружия, прежде всего необходимо упомянуть искусство выделки булатной стали („дамаск"), до самого XIX века остававшееся

исключительной привилегией восточных оружейников. Булатная сталь—это металл со своеобразным узором из полосок, сеток или волнистых линий. Этот узор украшает не одну только видимую поверхность предмета, но пронизывает всю толщу металла, как узоры древесины пронизывают весь ствол дерева. Добывалась такая сталь либо химическим путем кристаллизации плавленной стали, либо механически—посредством сварки, ковки и закалки в одно целое (сабельную полосу, кинжальный клинок) мелких металлических частей: проволок, полос, опилок и т. п. При употреблении этой техники красота поверхности металлического предмета неразрывно сочеталась с высокими боевыми качествами твердости и упругости. Оружейники Сирии, Индии, Персии и Турции знали много различных сортов булата и выделывали его с искусством совершенно неподражаемым, заставляя сабельную полосу то нежно светиться, как шелк или муар, то покрывая ее поверхность тончайшей сеткой из вьющихся нитей на темно-синем или темно-фиолетовом фоне. Но эти „нежные" на вид сабли наносили удары во много раз сокрушительнее обыкновенных, сверкающих, как зеркало, стальных клинков.

Распространенным способом украшения металлических частей оружия служила также окраска металла в различные цвета, от темно-синего до красного (так называемое „воронение" стали). Употреблялись различные виды золочения стали в узорах и надписях, наводка черни, травление, гравировка, резьба, чеканка, наводка эмали и даже укрепление драгоценных камней.

Наконец, широко применялась инкрустация металлом (золотом или серебром по стали и железу), так называемая „таушировка". В глубоко вырезанные на стали или железе линии надписей или узоров вбивалась молотком

золотая или серебряная проволока. Выступающие над гладью металла части этой проволоки иногда срезали и затем полировали весь таушированный предмет, иногда же инкрустация оставалась слегка рельефною. Впоследствии, с XVI века, чересчур сложный и трудный способ вбитой таушировки стал заменяться более легким: поверхность украшаемого стального или железного предмета делалась посредством насечки шероховатою и нагревалась, а затем на нее накладывались и наколачивались узоры и надписи из золота или серебра, которые и удерживались на предмете простым сцеплением частиц.

В стремлении всячески украсить оружие мастера доходили до необычайных тонкостей. Есть восточные сабли, в широкой и тупой части которых (так называемое „тупье“) заключено несколько мелких жемчужин, не только перекатывающихся по своему каналу внутри сабли при подъеме или опускании ее вниз, но и видимых снаружи сквозь нарочито устроенную щель (экземпляры таких сабель имеются в Оружейной палате). В Персии выделывались с такими перекатными жемчужинами особые кинжалы, очень похожие по виду на древне-русские ножи (образцы можно видеть в Эрмитаже).

В обработке не боевых частей оружия (приклады и ложа огнестрельного оружия, ручки и ножны сабель и палашей и т. п.) применялись самые разнообразные способы декоративного искусства. Дерево инкрустировалось металлом, костью, перламутром, черепахой, кораллом, бирюзой; каменные породы обрабатывались в форме звериной или птичьей головы и в свою очередь инкрустировались самоцветами; металлы чеканились, гравировались, украшались эмалью, камнями и т. д., вплоть до фарфоровых ручек с тончайшей живописью, встречающихся у шпаг XVIII столетия на Западе. Можно

сказать, что в изготовлении оружия принимали участие все виды декоративного искусства, не исключая тканей или кожи, которыми нередко обтягивались ручки боевых молотов и топоров, ножны сабель и палашей Естественно, что широта применения к оружейному делу декоративного искусства открывала перед мастерами громадные возможности, предоставляла особенно широкий простор их творческой фантазии и изобретательности. Однако забота о сохранении и усовершенствовании боевых качеств никогда не покидала лучших оружейников, и в их творческих замыслах фантазия художника всегда сочеталась с задачами чистого производства.

Существеннейшими частями оборонительного оружия были приспособления для прикрытия головы и тела воина от вражьих ударов или уколов.

Прикрытием для головы чаще всего служила железная шапка—шлем. Формы шлемов на Западе были чрезвычайно разнообразны, но в России применялись главным образом остроконечные „шишаки“ с неподвижным или подвижным пластинчатым затылком, подвижными пластинками, прикрывающими уши („науши“), с прорезанными в них по большей части фигурными отверстиями („слухами“) и со спускающейся на лицо по линии носа стрелкой, защищающей лицо воина от ударов спереди. Другой формой русского головного воинского убора было плоское наголовье в виде железного полукруглого черепа с „наушами“ или с кольчужной сеткой, окружавшей голову с боков и сзади. Иногда поверх этого плотно прилегавшего к голове наголовья надевался шлем, и таким образом голова оказывалась под двойной защитой.

Надо заметить, что древне-русская терминология воинских головных уборов установлена плохо, потому

что одинаковые шлемы и наголовья назывались нередко различно—по имени стран, откуда происходили образцы („мисюрка“—египетский шлем, „ерихонка“—шлем из Яркенда и т. п.).

Для прикрытия тела воина в России употреблялись рубашки из железных колец—кольчуги, или панцыри. Иногда кольчуги соединялись с набором соединенных кольцами металлических пластинок, прикрывавших грудь, спину и бока воина; такая „досчатая“ броня называлась „юшманом“. Разновидностью юшмана являлся „бахтерец“, весь состоявший из скрепленных кольцами стальных пластинок с кольчужным подзором внизу. Вместо лат, сплошною металлическою стенкой прикрывавших грудь и спину западного воина, в России, как и на Востоке, употреблялись так называемые „зерцала“—металлические пластинки, или дощечки, прикрывавшие грудь, спину, плечи и бока воина и надевавшиеся поверх кольчуги.

На руки надевались металлические „наручи“, охватывавшие руку от кисти до локтя; на ноги одевались металлические гетры—„бутурлыки“, или „поножи“, защищавшие ногу от колена до подъема. Вооружение из шлема и кольчуги с наручами и поножами иногда усиливалось, повидимому, кольчужными штанами, экземпляр которых сохранился в ленинградском „Фонтанном доме Шереметевых“.

Древнейшей формой оборонительного оружия, без сомнения, был щит, постепенно утрачивавший свое значение на Западе, где воин надевал на себя непроницаемый для ударов стальной чехол, но сохранявший свое значение на Востоке, где не было лат и тяжелой брони, а значит, и на Руси, вооружавшейся по восточному образцу. Впрочем, и Запад не расставался со щитами даже в эпоху широкого развития огнестрельного оружия, до

самого XVII века. Формы щитов на Востоке и в России были по преимуществу круглыми, а для выделки их употреблялись самые разнообразные материалы, прочность которых возрастала по мере распространения огнестрельного оружия. Первобытные плетеные из тростника или деревянные щиты, хорошо защищавшие от стрел, постепенно начинают сменяться щитами из кожи „инрога“ (носорога) и стальными, способными защитить от пули врага.

В отделе наступательного оружия, в группе так называемого белого оружия, на первом месте, как древнейшая форма, стоит меч, хорошо известный древним славянам. Однако в исторические эпохи на Руси чаще встречается кривая восточная сабля, чем восточная же позднейшая форма меча—прямой палаш. Форма сабли выработалась долгим путем опыта; утолщение на самом конце ее, называвшееся „елманью“, придавало сабельному удару силу удара меча; кривая форма оружия при тупом тыле давала возможность прорезать и „вспарывать“; обоюдоострый конец сабли пронзал, как кинжал. Легкость сабли и ее высокие боевые качества, соединяющие в себе рубящие, режущие и пронзающие удары, естественно, заставляли предпочитать ее тяжелому обоюдоострому мечу, приспособленному только для ударов, для рубки, хотя выделка хорошей сабли с правильно рассчитанным изгибом клинка и хорошо распределенными центрами тяжести и представляла значительные трудности. Сильно распространенная в Европе с XVI века форма колющего меча—шпага—также не получила в России боевого распространения, как и рубящий меч, если не считать татарских „кончаров“—длинных остроконечных шпаг, служивших на Руси, по-видимому, предметом парадного одеяния, а не рабочим

военным оружием. Зато в XVIII столетии шпага сделалась почти неизбежною принадлежностью придворного и вообще парадного костюма даже у совершенно мирных русских вельмож. Наиболее богатые по художественности отделки шпаги выполнялись обыкновенно на Западе, а на долю русских оружейников чаще всего выпадала выделка шпаг для рядовых придворных и не менее рядового офицерства.

Тип укороченной шпаги — „кортик" — появляется на Руси вместе с Петром, но употребляется, повидимому, главным образом в качестве охотничьего ножа. Не получил распространения на Руси и бесконечно разнообразный по формам восточный кинжал, со времен Средневековья ставший на Западе почти обязательным спутником шпаги. Заменою кинжала на Руси служили ножи различных форм, носившие специальные названия не по виду, а по месту их ношения: запоясные, засапожные, „подсаадашные" (носившиеся под футляром для лука— „саадаком").

В группе режущего и колющего оружия на древках первое место занимали в до-петровской Руси топоры различных форм, главным образом „бердыши"—длинные и широкие, с лезвием в виде полумесяца. Это было главнейшее оружие пеших войск, державшееся в стрелецких полках в течение всего XVII века. Русские бердышники славились своею непобедимостью; с появлением огнестрельного оружия бердыши приобрели новое значение: их втыкали в землю древком и пользовались ими, как опорою для тяжелых пищалей при стрельбе. Конные воины вооружались тяжелыми топорками на коротких древках, при чем тыловая часть этих топорков обрабатывалась обыкновенно в виде молотка. Копья и пики в древние эпохи заменялись рогатиной с длинным многогранным рожном. Во второй половине XVIII века в

России появилось соединение пики с топором—„алебарда“. удержавшаяся в русских войсках до XVIII века, а в XIX веке служившая „оружием“ полицейских будочников. Еще раньше алебард, как оружие телохранителей Самозванца, появился „протазан“—широкое копье, в нижней своей части приобретающее форму полумесяца. В первой половине XVIII столетия протазаны составляли часть вооружения русского офицерства. В 1732 году впервые появляются широкие копья—„эспонтоны“,—оружие офицеров, унтер-офицеров и сержантов.

Ударное оружие на древках состояло из боевых молотов и усовершенствованного типа первобытного ударного оружия—дубины.

Короткое древко с насаженным на него металлическим яблоком называлось „булавой“; такое же древко с яблоком, разделенным на шесть граненых перьев, составляло „шестопер“, а когда перьев было больше шести—шестопер назывался „перначем“, или „пернатом“. Эти оружия довольно быстро утратили свое боевое значение, но продолжали держаться в России в течение XVIII века как знаки воинского достоинства, особенно в Малороссии, у запорожских казаков.

Боевые молоты назывались в России „чеканами“ и употреблялись как орудие для раздробления брони; если один конец молота выковывался в виде клювообразного острия, приспособленного для пробивания кольчуги, то такое оружие называлось „клевцом“. Рукоять чекана, или клевца иногда служила ножнами для длинного ножа-кинжала.

В разряде метательного оружия древнейшим типом является лук—подлинное дитя Востока, далеко опережавшее европейские формы того же вида оружия своею дальнобойностью и техническими совершенствами. На Востоке же был изобретен и механизированный лук-

самострел („арбалет“), с XII века распространившийся по всему миру. Самострел представлял собою лук, прикрепленный к станку, в котором особое колесо удерживало натянутую тетиву до момента ее спуска. Самострелы метали не стрелы, а особые болты и, в XV—XVI веках, пули (пулевые самострелы назывались „балестрами“).

Вместе с балестрой существовало в Европе и огнестрельное оружие. Его родиной, несомненно, является тот же Восток: стоит только припомнить, что порох был известен арабам уже с VIII века, тогда как первое упоминание об употреблении огнестрельного оружия в Европе относится к концу XII столетия. Характерно, что первый в Европе стрелок „живым огнем“ появился на русской территории, среди полчищ Кончака, наводнивших Русь в 1184 году.

Первоначально огнестрельное оружие было таким тяжелым, что его трудно назвать ручным в полном смысле слова: стреляли из него, положив ствол на что-нибудь твердое или на специальную подставку с рогулькой для дула—„подсошку“. Уменьшение веса ружья и увеличение силы выстрела было постоянною заботой мастеров-оружейников как на Востоке, так и на Западе.

Подлинно ручное огнестрельное оружие появляется в Европе лишь в конце XIV века, и первоначально воспламенение заряда производилось посредством горящего фитиля. У тыловой, так называемой „казенной“ части ружейного ствола, около просверленной в нем дырки устраивалась металлическая „полка“ с углублением, на которую насыпался порох. В особом двуплечном рычаге, являвшемся прототипом современного курка, помещался зажженный фитиль, который наклонялся к полке и воспламенял порох, когда стрелок прижимал к прикладу выступавший из него спуск, соединенный с фитильным

рычагом. Таково было фитильное ружье, просуществовавшее более двух веков.

В начале XVI века появился немецкий „колесный замок“, не получивший, впрочем, особенно широкого распространения. В этом замке вместо фитиля появляется курок со вставленным в его „губы“ кремнем, опускающимся к самой полке с порохом. К прорезанному отверстию в дне полки приспособлено быстро вращающееся стальное колесо с нарезами, снабженное заводимой ключом пружиной. Нарезы колеса терлись о кремень и вызывали искры, воспламенявшие порох на полке. Хотя этот механизм являлся несомненным шагом вперед по сравнению с фитильным ружьем, отказывавшимся работать в сырую погоду или при угасшем фитиле, но сложность механизма нового ружейного замка и нередкие осечки от порохового нагара, засорявшего колесные нарезы, не могли обеспечить новому изобретению длительного употребления.

Успех был сужден арабо-мавританскому ударному замку, в котором курок с кремнем ударял, при нажиме спуска, в прикрывающее полку с порохом огниво, откидывал это огниво назад и сыпал на порох обильные искры. Эти „испанские“, как их называли в Европе, замки, появившись в начале XVI века, быстро распространились во всех странах и, с некоторыми изменениями, послужили основой для французского „батарейного“ кремневого замка, в течение всего XVIII столетия господствовавшего в Европе. В начале XIX века на смену кремню приходит новый воспламенитель—пистон, но ружье этой эпохи почти перестало быть местом приложения художественного творчества, а потому и не может интересовать нас в данном случае.

Основными типами ручного огнестрельного оружия были: „аркебуза“, до конца XVI века служившая основным

видом военного ружья; на смену аркебузе, в половине XVI столетия, входит в употребление „мушкет“, более тяжелый и крупный по калибру, чем, аркебуза, но зато и более дальнобойный, при чем, вследствие тяжести, из мушкетов стреляли с подсошки; в первой половине XVII века появляется короткоствольная колесная аркебуза с нарезным стволом—„карабин“, распространенный главным образом среди конных войск.

Художественная обработка оружия вообще особенно интересна тем, что здесь требования конструкции предмета, его практическая цель никоим образом не могли быть принесены в жертву художественной изобретательности, как это случалось иногда в других производствах. Из сосуда, форма которого претерпела настолько значительные изменения в угоду требованиям художественности, что стала неудобной, все же можно пить, на чересчур вычурном стуле все же можно сидеть, но оружие, какова бы ни была его художественная обработка, должно хранить все свои боевые качества, — для того, чтобы не стать игрушкой.

До XVII века главным полем для художественных украшений огнестрельного оружия были деревянные части ружья—ложа. Ружейная ложа принимала в разные эпохи и в разных странах самые разнообразные формы: от простейших грубо конструктивных до чрезвычайно замысловатых с завитками в плечевой части и хитрыми прорезами для пальцев руки. В XVII же столетии, наоборот, ложа стала выделываться в более простых формах, а украшения были перенесены на металлические части—ствол и замок.

Кавалерийский капитан Себастьен де-Корбион изобрел в XV веке особый вид маленького и легкого ручного ружья, которое он назвал „пистолетом“. Изобретению этому был сужден большой успех не только в будущем,

но и среди современников Корбиона, получившего прозвище по имени своего изобретения—„капитан Пистоллет“. В начале XVI столетия тип пистолета слагается окончательно и развивается настолько быстро, что через несколько десятков лет появляются пистолеты, заряжающиеся не с дула, а с казенной части, затем многоствольные пистолеты, а к концу того же века возникает тип пистолета-„револьвера“ с шестизарядным барабаном.

История оружейного дела находится, в сущности, в периоде первоначальной разработки. Не собран и не изучен даже такой основной исторический материал, как клейма и подписи оружейников разных стран и эпох, а особенно восточных, наиболее интересных для России по тесной связи русского оружейного дела с восточным.

Зачатки искусства выделки оружия, естественно, восходят ко временам глубокой древности, и старейшие из дошедших до нас экземпляров оружия относятся к бронзовому веку. Европа, повидимому, довольно долгое время довольствовалась восточным оружием, но уже в начале Средних веков „франкские“ мечи пользовались настолько большою и повсеместною известностью, что вывозились даже на родину булата—на Восток. Значительные центры оружейного искусства возникли в стране величайших завоевателей мира—римлян—в Италии (Брешиа и Милан), а затем в полу-восточной Испании, где мавры основали гремевшие по всему свету мастерские в Толедо и Бильбао. С XIII века начинается слава немецких оружейных мастерских в Пассау, метивших свои клинки „волчком“—резным изображением волка. Легенды приписывали пассауским клинкам множество чудесных свойств, вплоть до неуязвимости носителя такого оружия, и слава их была так велика, что другой

германский центр оружейного дела—Золинген стал употреблять клеймо, похожее на „волчка“, не говоря уже о том, что появилось множество поддельных пассауских клейм.

В эпоху расцвета художественного оружия в XVI—XVII веках Германия, Италия и Испания соперничали друг с другом; но к концу XVI столетия оружейники Брешии с семейством Лаццарини во главе приобретают особенно громкую славу. С XVIII века искусство выделки художественного оружия начинает повсеместно падать уступая место фабричному образцу, особенно в области военного оружия. Лишь на предметах придворного и охотничьего оружия может еще проявлять оружейник свои художественные способности, но и здесь фабрика начинает вытеснять индивидуальное мастерство. Однако французские мастера XVIII века продолжают еще создавать экземпляры оружия—произведения искусства в полном смысле слова. Девятнадцатый век с его быстрыми усовершенствованиями в области боевых качеств огнестрельного оружия все меньше обращает внимания на художественную отделку, и эта эпоха знает лишь немногие образцы действительно художественного оружия совершенно исключительного значения и употребления (оружие монархов, почетные сабли и мечи, приносимые в дар, и т. п.).

В России центром оружейного дела в до-петровскую эпоху был московский Оружейный приказ, а с XVIII века—казенные оружейные заводы: Тульский, Ижевский, Сестрорецкий и Златоустовский.

Как отмечалось выше, русское оборонительное оружие являлось в полном смысле слова ветвью искусства оружейников Востока. Русские мастера почти не знали западно-европейских лат, а если и вырабатывали их

изредка, в эпоху начавшегося наплыва на Русь западных влияний во второй половине XVI века, то как принадлежности парадного, „выходного“ одеяния, а не для военной службы. Таковы, например, хранящиеся в Оружейной палате латы пехотинца, принадлежащие, по словам описей, мастерству московского оружейника Никиты Давыдова, работавшего при царях Михаиле и Алексее. Нагрудник и спина этих лат расчеканены растительным орнаментом с клеймами, изображающими борьбу Геркулеса с гидрой, до такой степени пропитанными западными влияниями, что только с очень большим трудом можно поверить в возможность русского их происхождения, особенно рядом с несомненным образцом этих лат—голландскими латами, принесенными в дар Михаилу Романову в 1614 году. Может быть, в конце концов эти латы и окажутся принадлежащими западному мастеру, хотя бы и работавшему в московском Оружейном приказе. Таким мастером мог быть „немчин Петр Шасат“, в 1634 году сделавший латы царевичу Алексею, или неизвестный мастер очень похожего на приписываемые Давыдову латы нагрудника с чеканными узорами и изображениями, также принадлежащего, по описям Оружейной палаты, московским мастерам.

Вместо лат русские воины носили, как говорилось, кольчуги различных типов, а поверх их зерцала. Кольчуга сама по себе не поддавалась художественному воздействию, и различные узоры и способы скрепления ее колец, известные на Руси, не имеют, собственно говоря, прямого отношения к художеству. Правда, сохранились кольчуги, на кольцах которых имеются надписи („зделан на Москве“—в Эрмитаже, кольчуга-байдана Бориса Годунова Оружейной палаты) или на которых сохранились „мишени“—небольшие бляхи с надписями или изображениями-клеймами (среди них в Оружейной палате

кольчуга И. П. Шуйского, 1542—1564), но значение этих украшающих элементов играет совершенно ничтожную роль в общем впечатлении от кольчуг.

Иное дело—пластинки и доски бахтерцов, юшманов и, в особенности, зерцал. На эрмитажном юшмане XVI века князя В. А. Старицкого мастер вставил, например, пластинки, с выпуклыми, расчеканенными узором полушариями, окруженными надписями о владельце юшмана. Оружейная палата может гордиться своею многочисленною и разнообразною коллекцией зерцал—восточных и русских, украшением которой являются три зерцальных доспеха XVII века царей Михаила и Алексея, работы мастеров Оружейного приказа. Зерцала Михаила Романова 1616 года, которые, как гласит надпись на них, „делал мастер Митрей Коновалов, а вытравливал и золотил немчин Андрей Тирман“, уступают первенство по художественности отделки аналогичным по рисунку зерцалам 1670 года работы Григория Вяткина, где мастер, не удовлетворяясь чеканкой и наведенными золотом и чернью узорами, покрыл цветною эмалью орла, вычеканенного в середине круглой передней доски зерцал. Коновалову помогал в работе „немчин“, Вяткин же—мастер цветущей эпохи Оружейного приказа—выполнил всю работу сам, бесспорно превосходя в искусстве своих пред шественников. Третьи, более скромные в смысле украшений зерцала, относятся к 1663 году и выполнены оружейником Никитой Давыдовым.

Это наиболее пышные и богатые, можно сказать—„парадные“ образцы, но и в более скромных экземплярах встречаем те же наведенные золотом или серебром узоры, орлов, клейма с птицами и т. п. украшения, всегда тесно слитые с основным материалом зерцал и нимало не ослабляющие чисто боевых их качеств.

Даже такие сравнительно мелкие и совершенно уже прозаические предметы, как наручи и поножи, служили для русских мастеров местом применения декоративного искусства. На них наводили золотые узоры мастера XVII столетия, — Никита Давыдов, Григорий Вяткин, Федор Константинов (образцы их работ в Оружейной палате).

Ту же изобретательность художника, неразрывно соединенную с заботой о сохранении высоких боевых достоинств и основных форм предмета, видим на русских шлемах, обильно представленных в Оружейной палате. Здесь, как и вообще в области древне-русского оружейного мастерства, до крайности затруднено распознавание работы русских мастеров, неизменно вдохновлявшихся прославленными восточными образцами и стремившихся достигнуть их совершенства. Никаких подписей, клейм, личных знаков мастеров почти нет, а потому очень легко увлечься и стать „патриотом". Вследствие этого упомянем лишь о немногих выдающихся образцах, русское происхождение которых установлено более или менее документально.

Первым среди них должен быть назван—датированный в надписи на самом шлеме 1557 годом—детский шлем царевича Ивана Ивановича в виде колпака с необычайно длинным и острым верхом, очень простой формы, без носовой стрелки, затылка и наушей, заменявшихся кольчужною „бармицей". Но при всей этой простоте—шлем украшен, кроме надписи, наведенными золотом „орликами". Более совершенною формой обладает шишак царя Михаила, работы московского мастера Никиты Давыдова, почти круглый череп которого слегка заострен вверх и украшен насеченными золотом узорными клеймами и орнаментами, в которых можно видеть, как своеобразно подчас видоизменялись

в руках русского мастера чисто восточные орнаментальные мотивы.

Еще более совершенным творением того же Никиты Давыдова является парадный шлем („шапка ерихонская") Михаила Романова, 1621 года, украшенный золотою насечкой, эмалью и драгоценными камнями (алмазы, яхонты, изумруды, жемчуг). Увлеченный задачей—создать шлем сказочного великолепия—мастер-художник обратил этот головной военный убор в какое-то самостоятельное и самоценное произведение искусства, хранящее свой яркий чисто восточный облик, несмотря на увенчание золотым украшенным камнями крестом (исчезло, повидимому, еще в XVII веке), на наведенные золотом на стали великокняжеские короны с крестами же и, наконец, на эмалевый образок на стрелке шлема *). Трудно найти другое произведение древне-русского декоративного искусства, в котором так тесно сочетались бы Восток и Россия, потому что рядом с эмблемами православия шлем покрыт не только чисто арабскими узорами, но и типичною для восточного оружия арабскою надписью в трех клеймах (13-й стих 61-й суратьы Алкорана). За работу над этой изумительною шапкой Давыдов получил в награду „полпята аршина тафты жолтой веницейской" и „четыре аршина сукна аглицково тмосинево", как записано в книге Казенного приказа 18 декабря 1622 года.

Большинство сохранившихся в Оружейной палате щитов—восточные, и только один—московского дела XVII столетия. Это деревянный, оклеенный красным атласом щит с золочеными головками гвоздей-„репьев" и железным „плащем" в центре с насеченным на нем серебром двуглавым орлом. Сочетание красного

---

*) См. о нем выпуск „Эмаль и скань" настоящей серии.

атласа с серебряною насечкой и золочеными репьями производит своеобразное, строго-торжественное впечатление.

Таковы немногочисленные памятники древне-русского оборонительного оружия, имеющие художественное значение. Поставленные рядом с достижениями в той же области западно-европейских художников-оружейников, они, конечно, должны будут уступить им первое место, за исключением, впрочем, Романовского шлема Никиты Давыдова, который смело может выдержать любое европейское „испытание" и по смелости замысла, и по тонкости работы, и по живописности сочетания холодного блеска стали с живыми огнями самоцветов и тихим мерцанием „бурмитских зерен"—жемчугов.

Русское белое оружие и оружие на древках сохранилось в довольно большом числе экземпляров, среди которых есть предметы если не всегда датированные, то снабженные надписями о владельцах. При отсутствии клейм русских оружейников и присущего им стремления работать в чисто восточном вкусе, эти именные экземпляры естественно приобретают историческое значение исключительной важности, кроме тех, конечно, случаев, когда имя русского владельца наносилось на предметы явно не-русского происхождения.

Московские оружейники выделывали сабли по иноземным образцам. Из мастерских Оружейного приказа выходили сабли „на черкасское дело" (т.-е. по образцу черкесских), „на турское дело" (турецкое), „на кызыльбашский выков", „на угорский выков" и т. д. Восток встречается здесь, как правило: „литовское дело" и „немецкий выков" попадаются реже. Особенностью, чрезвычайно характерною именно для русского мастерства, вечно колебавшегося между Востоком и Западом,

были сабли, объединявшие образцы двух стран: „булат красной, выков на литовское дело, долики *) „на-угорский выков“. Но те же древние описи, на ряду с этими подражательными выковами знают, однако, и „булат синей московский выков“.

Единственным в своем роде памятником в отделе древне-русских сабель Оружейной палаты является сабля Михаила Романова 1618 года с русскою надписью латинскими буквами о времени сооружения сабли, ее хозяине и ее мастерах Илье и Просвите, которые долгое время считались за одного—„Нила Просвита“. Неуклюжие начертания латинских букв в надписи на булатной полосе сабли обличают руку русского мастера, часто сбивавшегося на привычные начертания русских букв. Несмотря на скромность украшающих саблю материалов (нет ни золота, ни драгоценных камней), сабля эта представляется памятником совершенно исключительным, вполне достойным стать рядом с „шапкой“ Никиты Давыдова, о которой только что шла речь. Середина булатной полосы этой сабли прорезана насквозь в виде решотки с растительным узором, наложенным золотом и серебром. Тот же прием сквозной резьбы („резьбы на-проем“ по древне-русски) применен в серебряных украшениях рукояти и в „обоймах“ сабельных ножен. Илья и Просвит были, судя по этой сабле, подлинными художниками металла, умевшими украсить предмет не драгоценностью материалов, а драгоценностью художественного замысла и выполнения.

Описанная сабля чуть ли не единственный памятник белого оружия древней Руси, мастера которого известны. Но есть сабли XVI и XVII веков, на которых

*) Долик, или дол—углубленная полоса вдоль клинка сабли.

надписаны имена их владельцев. Такова, например, булатная сабля турецкого образца „князь Федора Михайловича Мстиславского“, как гласит насеченная золотом надпись на сабельном обухе. Другая сабля XVI столетия—тавризского образца—украшена надписью латинским трифтом, указывающей на владельца оружия—князя А. И. Лобанова-Ростовского (обе сабли в Оружейной палате). Как ни ярки восточные элементы в обеих этих саблях, не только в форме клинков, но и в самых узорах, украшающих их рукояти и ножны, русские надписи свидетельствуют об участии в работе русских мастеров. В Эрмитаже хранится сабля, клинок которой, богато украшенный насеченными золотом орнаментами, имеет дважды повторенную надпись—по-русски и по-татарски: „сабля конюшего и боярина Дмитрея Ивановича Годунова“.

Таковы подписные и именные экземпляры сабель. Но есть ряд других сабель—не подписанных, но принадлежавших определенным лицам. Таковы, например, сабли царя Алексея, хранящиеся в Оружейной палате,—типичные образцы парадного, можно сказать, перегруженного украшениями оружия, конечно, уступающего первенство таким исключительным по благородству замысла и изяществу выполнения образцам, как сабля Ильи и Просвита. На хранящихся в том же музее двух саблях, приписываемых героям Смутного времени—князю Д. М. Пожарскому и К. З. Минину-Сухорукому,—нет удостоверяющих надписей, но нет и оснований решительно отвергать их принадлежность указанным лицам. Обе эти сабли очень просты, хотя — можно сказать — типичны для боевого, рабочего оружия эпохи. Приписываемая также князю Пожарскому сабельная полоса Эрмитажа с эмалевым ангелом уже значительно наряднее сабли Оружейной палаты.

Сабли и палаши без надписей или исторических документов, приписывающих их определенным лицам, чаще всего восточного типа, но русского дела, насчитываются десятками в одной только Оружейной палате, и всюду в них украшениям рукояти и ножен отведено очень видное место. Встречаются, конечно, образцы, почти одинаковые по отделке, но в самых типах отделки, в употребляемых мастерами узорах и материалах замечается большое разнообразие, свидетельствующее о большом числе неведомых нам по именам мастеров.

Достигнув вершины развития во второй половине XVII столетия, русское искусство выделки сабель и палашей уступает в XVIII веке место искусству шпаги, уже не дающему столь утонченных и насыщенных искусством образцов, как сабли двух предшествующих веков. В XIX веке украшенные сабли становятся редкостью: оружие приобретает строго деловитый вид. Впрочем, образцовые сабли с вензелями Александра I, изготовленные на Златоустовском оружейном заводе, еще хранят отголоски былой любви к узору, особенно одна из них, со стальными, покрытыми черенью ножнами, испещренными типичными для эпохи изображениями военных арматур, лавровых венков и воинственных аллегорий. Но рядом с пышными саблями до-петровского периода и этот редкий для XIX столетия образец кажется бедным и будничным.

О русских шпагах, достойных быть отнесенными в разряд подлинно художественного оружия, говорить не приходится за отсутствием памятников. Все уцелевшие в России образцы художественных шпаг—явно западного происхождения и потому не могут интересовать нас.

Из русских ножей необходимо упомянуть единственный в своем роде экземпляр Оружейной палаты. Это подсаадашный нож кривой восточной формы, принадлежавший в 1513 году, как гласит надпись на обухе, „князю Андрею Ивановичу", предположительно—младшему сыну Ивана III. Восточной форме клинка отвечают и украшающие его узоры, в которых неведомый русский мастер пытался воспроизвести „слова арапские". В том же собрании хранится нож XVII века „московского дела", рукоять и ножны которого украшены почти неведомым для западных оружейников, но очень близким художникам русского декоративного искусства способом—сканными узорами.

Наиболее распространенным типом русского оружия на древках являются топор и бердыш. Экземпляры обыкновенного боевого оружия этого типа редко имели украшения, а если они и встречались, как показывают собрания в Эрмитаже и московском Историческом музее, то чаще всего носили примитивный характер. Как особенно редкий и крайне интересный по замыслу пример, можно указать бердыш XVI века Оружейной палаты, в котором сложная резьба на-проем занимает половину всей ширины лезвия. Здесь вырезаны какие-то звери, птицы и сердечки—очень примитивно, но крайне характерно.

Топоры, относящиеся к парадному, не боевому оружию, напротив, украшались очень богато, подчас даже с расточительною роскошью. Таковы, например, так называемые „посольские топоры" московского дела XVII века, с которыми стояли почетные стражники русских царей—„рынды" во время торжественных выходов или приемов послов. Замысловатые по рисунку лезвия этих топоров сплошь покрыты сложными, золотом насеченными узорами, в которые входят и двуглавые ор-

лы, и львы, и единороги, излюбленные Грозным. Древки этих топоров обложены серебряными пластинками с прекрасными по сочности чеканки растительными орнаментами. Даже обухам топоров приданы изысканные формы в виде шаров из серебряных узорчатых полосок.

Это венец того мастерства русских оружейников в области топора, древнейшим памятником которого является почетный топорик Исторического музея, насеченный по железу золотыми и серебряными узорами и относящийся к XII—XIII векам.

Из боевых молотов-чеканов, известных, чаще в форме „клевца", Оружейная палата хранит два именных экземпляра, относящихся притом к XVI столетию—к эпохе, от которой вообще очень мало дошло до нас памятников русского оружейного мастерства. Эти чеканы принадлежали представителям двух давно угасших княжеских родов: В. И. Туренину-Оболенскому и Ф. А. Телятевскому. Наиболее изящный, чекан Туренина-Оболенского снабжен кинжалом, вкладывающимся в полый внутри черен боевого молота.

Как отмечалось выше, образцы ударного оружия на древках—булавы, шестоперы и пернаты рано утратили боевое назначение и обратились в знаки воинского достоинства, открывая тем самым простор изобретательности и искусству мастеров не столько оружейного, сколько просто серебряного дела: резчиков и чеканщиков. Богатое собрание Оружейной палаты и в этой области обладает именными экземплярами XVII века. Царские булавы Алексея Михайловича, наиболее богато изукрашенные, принадлежат турецким и персидским художникам. Быть может, восточному же мастеру принадлежит и серебряная с бирюзовыми и костяными вставками булава князя В. В. Голицына; к турецкому мастерству

относят булаву князя Б. М. Лыкова XVII столетия, украшенную дробными, переливающимися и сверкающими узорами. Зато две других именных булавы XVII века сработаны несомненно в Москве: это булава боярина и оружейничего Г. Г. Пушкина и особенно богатая по отделке булава тестя царя Алексея—боярина И. Д. Милославского. Среди яхонтов и изумрудов, вкрапленных в яблоко булавы, на ней вырезаны на серебре аллегорические изображения четырех стихий, позаимствованные, вероятно, с немецких гравюр.

Резюмируя сказанное о холодном оружии, необходимо признать, что Россия создала немногие, но чрезвычайно оригинальные образцы, которые никак не могут быть обойдены молчанием в истории оружейного искусства Европы.

Типичным образцом русского огнестрельного оружия XVII века является пищаль с прикладом, характерным по форме и обработке для германских колесных аркебуз. Настойчивость, с какою удерживался русскими оружейниками именно этот тип европейского приклада XVI века в виде дощечки с приделанным к ней ящичком для запасных кремней, свидетельствуя еще раз о присущем русскому художнику до-петровской Руси постоянстве, указывает в то же время и на путь, каким проникли на Русь образцы огнестрельного оружия. Быть может, даже самое название русского ручного ружья пищалью происходит из Германии XV века, как отмечает Э. Ленц. Правда, на-ряду с прикладами пищалей аркебузного типа русские оружейники XVII столетия вырабатывали и приклады турецкого образца, более похожие на приклад современного ружья, но эти пищали так и назывались „турецкого образца“ и были в ходу главным образом у казаков.

До-петровская Русь знала несколько типов пищалей. Пищали ручные—„ручницы" — бывали военные и охотничьи („пичьи") с гладкими или нарезными („винтованными") внутри стволами; пищали, которые вешались на ремнях через, плечо назывались „завесными". Длинноствольные и тяжелые крепостные пищали, из которых стреляли со стен, назывались „затинными", а короткоствольные крепостные пищали крупного калибра— „тюфяками".

Главным местом для приложения декоративного искусства были в огнестрельном оружии деревянные части—ложа, обычно украшавшиеся резьбой, инкрустацией из кости, перламутра, металла, а в особенно роскошных экземплярах—эмалью и драгоценными камнями. Второе место в оружии, как произведении декоративного искусства, принадлежит обработке замка, и, наконец, третье—ружейному стволу.

В узорах инкрустаций, украшающих ружейную ложу, легко подметить соединение мотивов и влияний Востока и Запада. Некоторые резные костяные фигурные вставки (иногда с подкраской зеленым или красным)—все эти охотники, олени, собаки, летящие птицы грифоны, петухи, единороги, амуры, аллегорические фигуры, — повидимому, выписывались в готовом виде из-за границы и в России врезались в ложу. Но многое резалось, несомненно, и в России, и резчики создавали подчас очень сложные узоры на костяных бляхах различных величин, вставлявшихся в ложи пищалей. В числе этих мотивов костяной инкрустации и резьбы часто встречаются так называемые „цареградские видения": изображение орла, терзающего змея. Инкрустации из перламутра нередко кажутся копиями мавритано-арабских узоров, тогда как от костяных инкрустаций веет либо германским средневековьем, либо Византией. Срав-

ительно реже встречается инкрустация в виде вбитых в дерево тонких металлических полосок, затейливо сплетающихся в кругляшиеся узоры — своего рода „таушировка“ по дереву, главным образом на западноевропейские орнаментальные мотивы. Встречается также и чеканка или резьба на отдельных серебряных пластинках-бляхах, прикрепляемых к ложе, но этот прием больше применялся при отделке пистолетов, чем пищалей.

В области кремневого ружейного замка господствовал западный образец, потому что Восток редко придавал частям замка особенно сложные формы. От этих западных, украшенных скульптурою образцов родились и более простые русские образцы, где скульптура нередко заменялась резьбой по металлу или самим формам металлических частей замка придавалась особая вычурность посредством всяческих прорезов и вырезов. Здесь находило себе применение русское искусство резьбы на-проем по металлу, столь родственное деревянной резьбе и давшее ряд полных интереса образцов художественной слесарной работы древней Руси.

В обработке замка сочетаются чаще всего формы животного мира: рыбы, птицы, реже—звери, еще реже—люди. Русские оружейники широко пользуются эмблемой русского царства—двуглавым орлом, то выпуклым литым, то врезанным в гладь металла. Особенно часто украшали эти эмблемы наружный щиток пороховой полки, имевший обыкновенно форму круглой бляхи. Этот маленький щиток получал в руках оружейных мастеров самую разнообразную обработку, и на нем встречаются чеканные или резные изображения: двуглавого орла, цареградского видения, крылатого коня, сокола, лебедя, короны, человеческой личины. Иногда этот щиток прорезался насквозь, приобретая очертания орла, в иных

случаях—обрабатывался в форме раковины. Вычурные формы стремился иной раз придать оружейник и другим частям замка, не исключая прикрепляемых снаружи к замочной доске пружин, ухитряясь сочетать боевые качества с самыми неожиданными направлениями своей декоративной фантазии. Есть такие замки, у которых все без исключения части обращены в фигуры: курок в виде сирены, огниво—звериная лапа, задвижка, закрывающая полку с порохом, снабжена человеческою личиной, пружины, откидывающие огниво, спрятаны за фигурой человека в кафтане, быть может, казака.

Пищальные стволы нередко покрывались чеканною скульптурною орнаментацией с тем же двуглавым орлом или без него, украшались наведенными золотом узорами, надписями о владельцах оружия и т. п. Конец ствола иногда обрабатывался совершенно по-восточному: в виде головы льва или чудовища с разинутою пастью, из которой и вылетала смертоносная пуля. Очень часто чеканная орнаментика ствола покрывалась позолотой, сплошной или частичной, усиливавшей нарядность оружия. Даже такая мелкая деталь ствола, как прицел, подвергалась подчас чрезвычайно оригинальной художественной обработке: таков, например, прицел в виде небольшой фигурки льва, лежащего вдоль ствола, хвостом к стрелку, при чем голова этого „левика" и служит прицелом.

Все сказанное выше о пищалях относится и к пистолетам, получавшим иной раз еще более пышную художественную обработку. Здесь часто встречается эмаль и скань в обработке пистолетных ручек. Так как пистолет сравнительно мало был распространен на Востоке, то образцом для русского оружейника служил пистолет европейский, но формы его все же обрабатывались по-своему, по-русски.

Датированные пищали встречаются редко: в Оружейной палате есть пищаль, которую в 1673 году „являл" оружейник Василий Титов, как это обозначено в надписи на стволе. Сохранилась детская винтованная пищаль царевича Петра, датированная в надписи 1688 годом. В той же коллекции имеется „тюфяк" 1654 года, сделанный, как гласит надпись, „воружейной палате делал м т в" (быть может, мастер Тимофей Вяткин). Из пищалей с подписями мастеров или их клеймами известны: Василия Титова (три в Оружейной палате и одна в Эрмитаже), Филиппа Тимофеева Ульянова, Никифора Кобелева (клеймо с надписью „Микифор"); недавно открыты пищали и пистолеты с клеймами мастера Андронова и загадочного „Осипа". По указаниям старинных описей Оружейной палаты, известны: скорострельная пищаль Исая Первушина и пара пищалей работы Кобелева, Андронова и Карцова.

В XVIII столетии в Петербурге работают, главным образом, оружейники-иностранцы (Иллинг, Греке, Шуманн) и несколько русских мастеров: Гаврила и Иван Пермяковы, Петр Лебедев. Но их оружие кажется более солидным и совершенно западным рядом с вычурными московскими пищалями. Московскую любовь к декоративности хранят тульские мастера, охотно прибегающие к чеканке, резьбе и золочению металлических частей, но нередко с очевидным излишеством, с таким нагромождением украшающих элементов, которое может говорить только о падении художественного чутья.

Заканчивая на этом настоящий краткий обзор исторического развития русского художественного оружия, необходимо отметить, что в современном огнестрельном оружии всякая забота о красоте и изяществе решительно принесена в жертву боевым качествам

и удобствам. Любовь к оружию, побуждавшая украшать его, выискивать наиболее изящные формы для последних мелочей, давно уже угасла для военного оружия, а теперь угасает и в образцах охотничьего оружия. Фантазия художника должна будет получить новое направление: в сторону изыскания элементов красоты в сочетании самых заурядных, наиболее технических частей оружия, нахождения форм, прекрасных по самой своей конструктивности.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Русский пеший ратник XVII века.

2. Русский воевода XVII века (на нем зерцала Никиты Давыдова).

3. Зерцала Григория Вяткина 1670 года (ерихонка-цареградская, наручи и кольчуга—московские XVII века).

4. Шлем Михаила Романова работы Никиты Давыдова 1621 года.

5. Русские сабли XVI и XVII веков (вторая справа—А. И. Лобанова-Ростовского XVI в, третья и пятая справа—XVII века).

6. Сабли князя Пожарского и Минина.

7. Бердыши (первый слева—XVI века).

8. Булавы (первая сверху—В. В. Голицына, вторая—Б. М. Лыкова, третья—И. Д. Милославского и четвертая—Г. Г. Пушкина).

9. Пищали XVII века.

10. Пищали XVII века (вверху—„Филиппа Тимофеева дела“, вторая сверху—детская, царевича Петра 1688 года, первая снизу—турецкого образца).

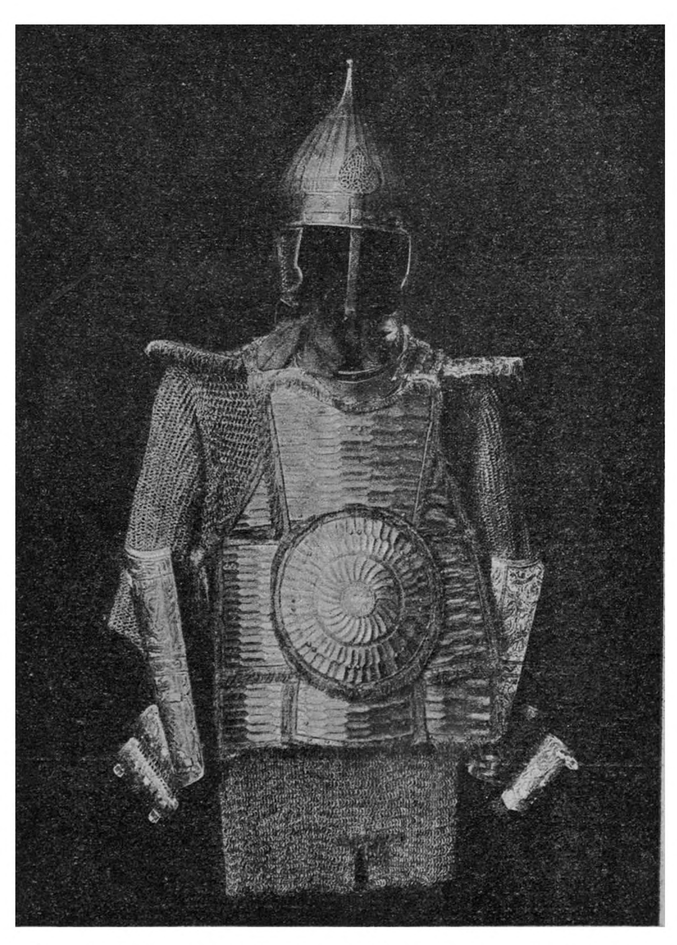
11. Пистолеты XVII века.

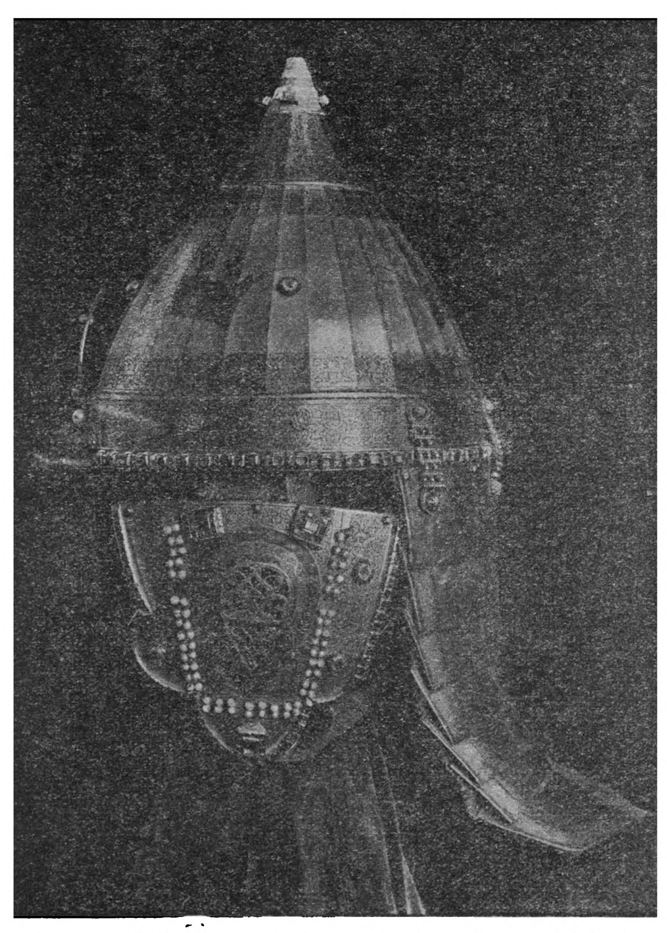
Русский пеший ратник XVII века.

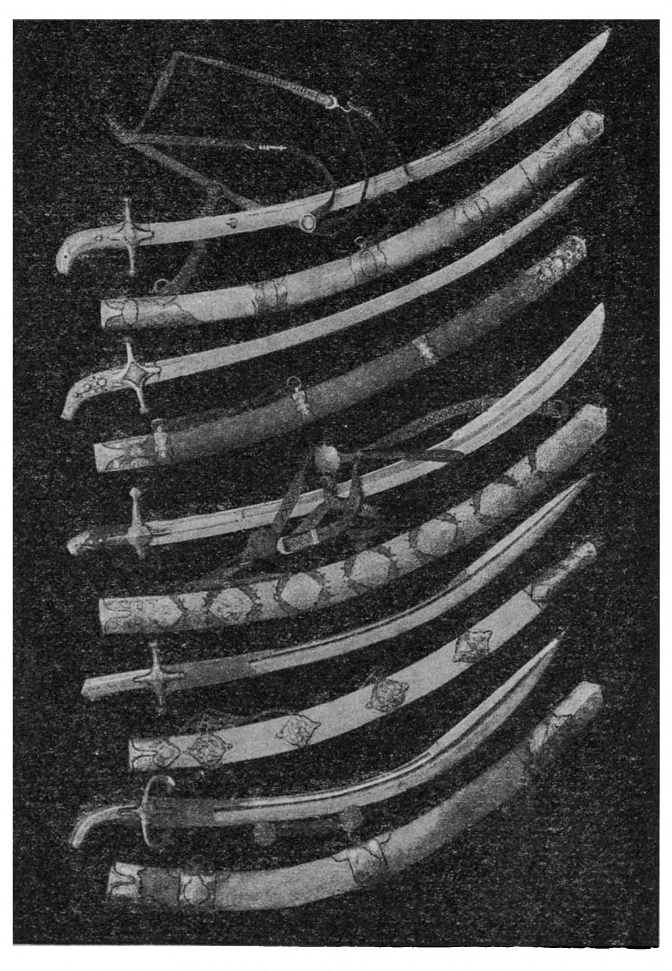
Русский воевода XVII в. (зерцала Никиты Давыдова).

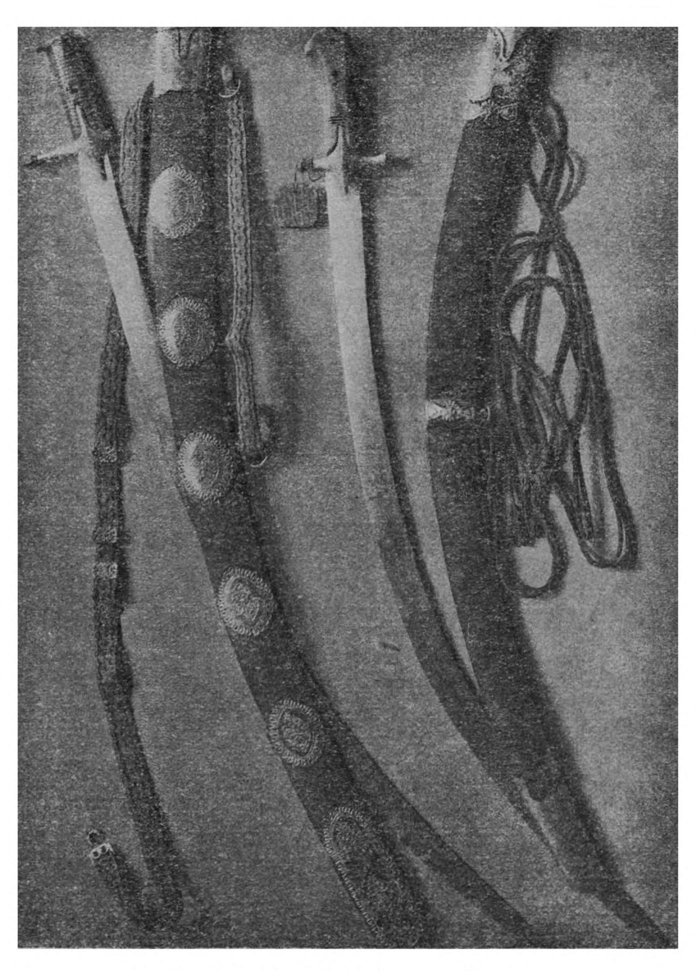
Зерцала Григория Вяткина 1670 года (ерихонка цареградская, наручи и кольчуга московские XVII века).

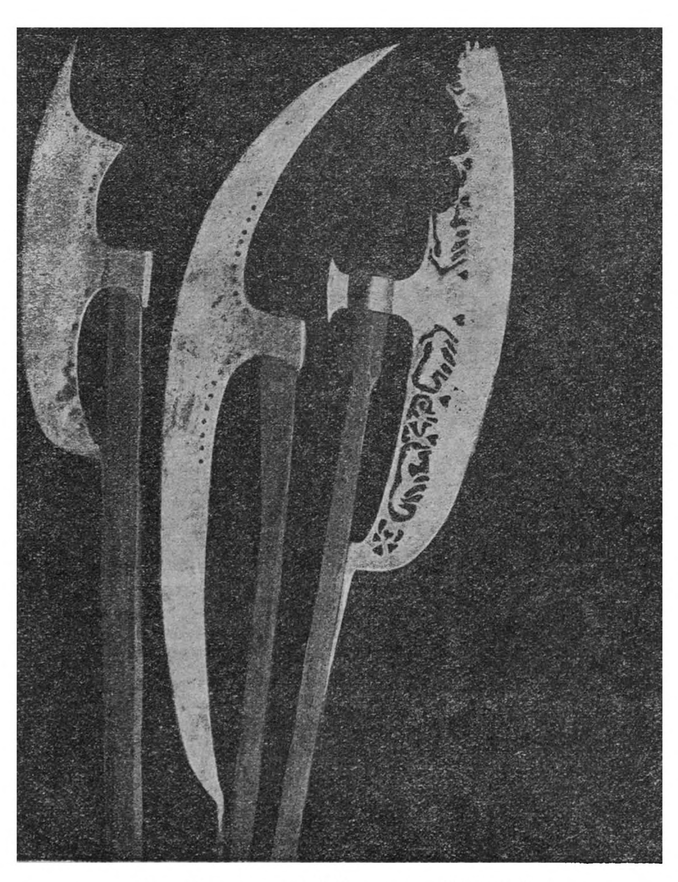
Шлем Михаила Романова 1621 г., работы Никиты Давыдова.

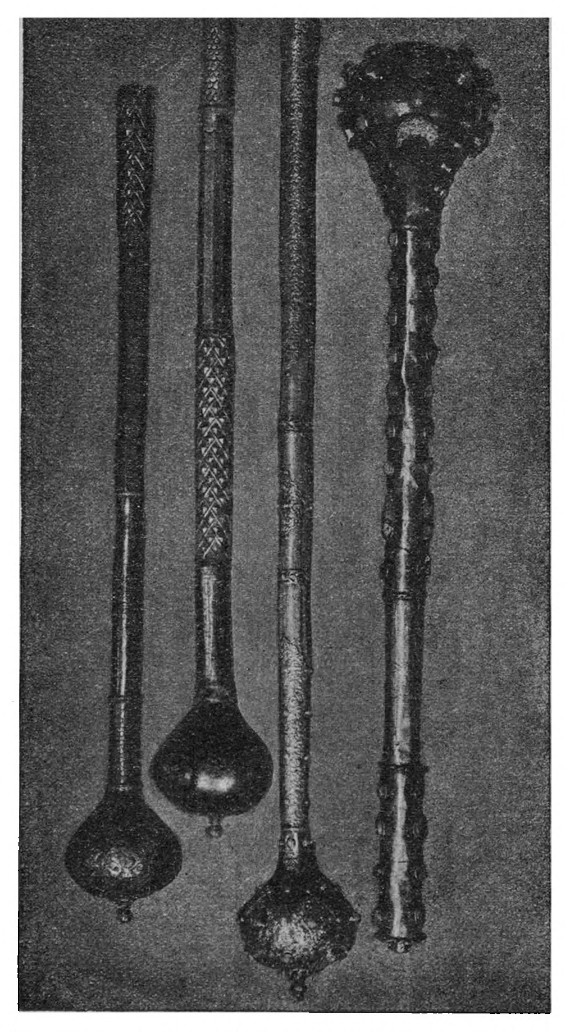
Русские сабли XVI и XVII веков (вторая справа А. И. Лобанова-Ростовского XVI в., третья и пятая справа—XVII века).

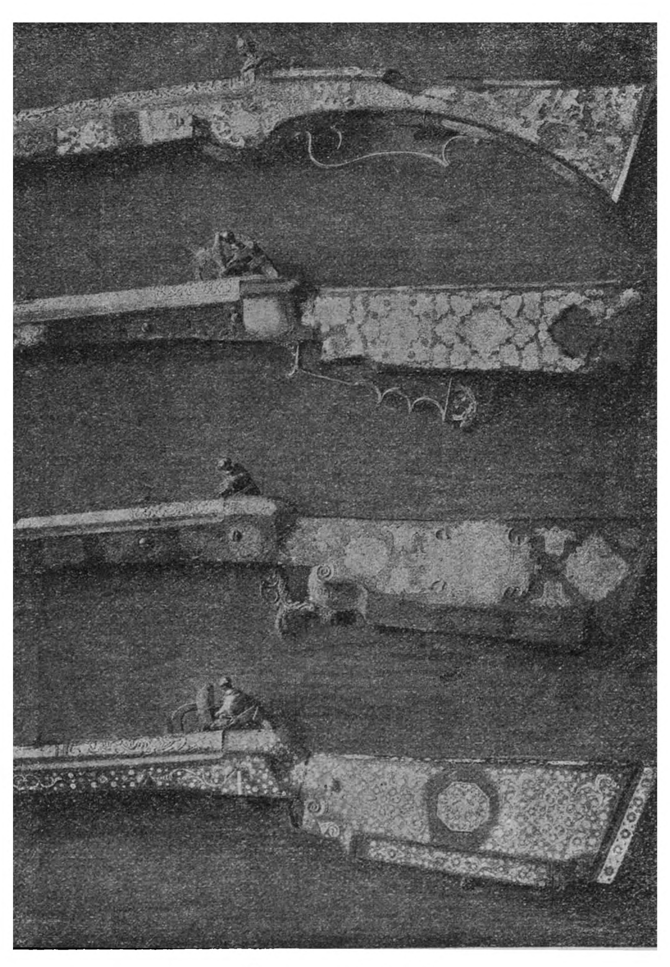
Сабли князя Пожарского и Минина.

Бердыши (первый слева—XVI века).

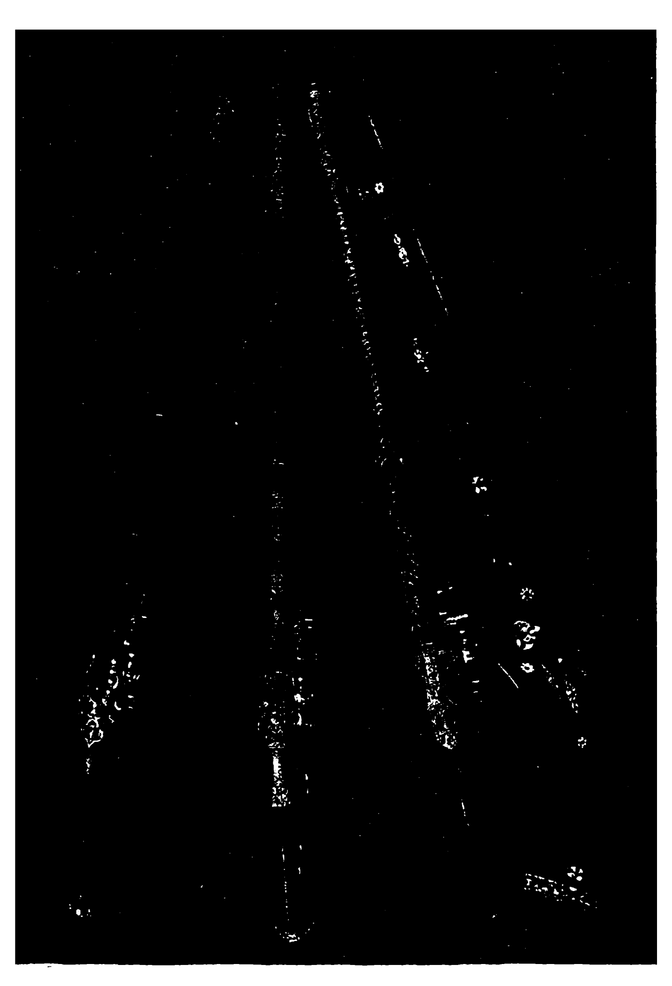
Булавы (первая сверху—В. В. Голицына, вторая—Б. М. Лыкова, третья—И. Д. Милославского и четвертая— Г. Г. Пушкина).

Пищали XVII века.

Пищали XVII века (вверху — „Филиппа Тимофеева дела“, вторая сверху — детская, царевича Петра 1688 года, первая снизу — турецкого образца).

Пистолеты XVII века.

Цена 50 коп.